

Российско-французские отношения при президенте Эмманюэле Макроне: достижения и противоречия

А. Ю. Чихачев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Чихачев А. Ю. Российско-французские отношения при президенте Эмманюэле Макроне: достижения и противоречия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 86–104.
<https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.106>

В настоящей статье исследуются состояние и перспективы отношений России и Франции по предварительным итогам президентства Эмманюэля Макрона. Автор исходит из предпосылки о том, что диалогу двух стран традиционно была присуща двойственность, при которой тесное сотрудничество в различных сферах не исключало взаимных противоречий. Анализ основных примеров из российско-французских отношений за 2017–2021 гг. показывает, что эта особенность наблюдается и на современном этапе. С одной стороны, отношения Москвы и Парижа явно пережили некоторое оживление после заключительных лет мандата Ф.Олланда, выразившееся в постоянных встречах на высшем уровне и возобновлении межведомственных контактов. Действующее французское руководство продемонстрировало готовность к обсуждению широкого спектра тем, включая европейскую безопасность, стратегическую стабильность, разрешение украинского конфликта, положение на Ближнем Востоке, развитие экономических и культурных связей. С другой стороны, при Э.Макроне продолжил пополняться перечень вопросов, по которым обе страны придерживались разных точек зрения. Париж в целом негативно оценивал рост международного влияния Кремля; подчеркивал разницу в базовых ценностях; не совпадал с Москвой в приоритетах дальнейшего урегулирования региональных конфликтов, управления цифровым и космическим пространствами; открыто критиковал российское присутствие в Африке; поддерживал своих западных союзников в громких политических процессах. Автор резюмирует, что эта двойственность должна сохраниться и после президентских выборов в Пятой республике 2022 г., ведь каждому из потенциальных победителей при попытках продолжения двустороннего сотрудничества неизбежно придется учитывать обязательства внутри евроатлантического сообщества. Вместе с тем, с началом российской спецоперации на Украине в феврале 2022 г. линия французской дипломатии наверняка будет скорректирована в более жестком ключе ценой сокращения возможностей для диалога.

Ключевые слова: Россия, Франция, европейская безопасность, Трианонский диалог, Эмманюэль Макрон.

На протяжении последних десятилетий российско-французские отношения отличались известной двойственностью, когда примеры тесного сотрудничества и диалога сосуществовали с взаимной критикой и опасениями. С одной стороны, СССР и деголлевская Франция действовали как союзники в ходе Второй мировой войны, войдя на правах держав-победительниц в число постоянных членов Совета Безопасности ООН. Знаковыми вехами служили периодические встречи

на высшем уровне, особенно визит Ш. де Голля в СССР 1966 г., заложивший политико-правовые основы для современного взаимодействия двух стран. Париж и Москва неоднократно претворяли в жизнь совместные дипломатические шаги: осуждение американского вторжения в Ирак 2003 г., прекращение Пятидневной войны на Южном Кавказе, запуск «нормандского формата», подписание иранской «ядерной сделки». Среди французской интеллектуальной и деловой элиты оставался традиционно высоким спрос на поддержание контактов с Россией, развитие деловых и культурно-образовательных связей. С другой стороны, во все критические моменты отношений России и Запада, отсчитывая с Карибского кризиса 1962 г., Пятая республика неизменно подтверждала свою солидарность с союзниками по Североатлантическому альянсу, полноценное членство в котором она возобновила в 2009 г. Елисейский дворец и Кремль по-разному трактовали конфликт в бывшей Югославии, обе чеченские войны, события «арабской весны», статус Крыма и причины украинского кризиса, что раз за разом создавало негативный фон для двустороннего сотрудничества.

В контексте данной двойственности очередным этапом развития российско-французского диалога стало президентство Эммануэля Макрона, вступившего в должность в мае 2017 г. Некоторые первоначальные признаки должны были указывать на то, что новый лидер Пятой республики не будет демонстрировать повышенного интереса к развитию отношений с Москвой: например, его прежняя карьера международного финансиста, хорошо интегрировавшегося в прозападные структуры, лишение аккредитации российских СМИ при избирательном штабе (RT и Sputnik) или обвинения России в кибератаках [1]. В предвыборной книге «Революция» он отмечал лишь саму необходимость диалога с Москвой, одновременно подчеркивая, что Европа должна сохранять бдительность на своих восточных рубежах [2, с. 198–199]. Однако едва став главой государства, Э. Макрон начал проявлять готовность к переговорам: первым зарубежным лидером, приглашенным во Францию после инаугурации, стал именно российский президент В. В. Путин (встреча в Версале 29 мая 2017 г.). В дальнейшем стороны неоднократно имели возможность продолжить контакты в различных форматах, что привело к принятию ряда совместных решений и постоянной сверке позиций по важнейшим вопросам международной жизни. Вместе с тем сохранялись прежние проблемные точки и появлялись новые, впоследствии сделавшие двусторонний диалог несколько менее динамичным, чем могло показаться вначале.

Поскольку приближение намеченных на 2022 г. очередных президентских выборов в Пятой республике уже дает возможность обобщать предварительные результаты внешней политики Э. Макрона, цель настоящей статьи состоит в определении состояния и перспектив российско-французских отношений по итогам его мандата. Для этого необходимо, во-первых, выявить темы, по которым сотрудничество Парижа и Москвы развивалось в 2017–2021 гг. наиболее интенсивно; во-вторых, обозначить спектр основных противоречий между обоими государствами; в-третьих, сформулировать варианты эволюции двусторонних связей после избирательной кампании. Решение поставленных задач потребует использования комплексного подхода (рассмотрения российско-французских отношений в многообразии их сфер), изучения официальных документов, выступлений, отчасти — анализа количественных данных.

Оценивая степень разработанности темы, следует заметить, что новейшие тенденции в диалоге Парижа и Москвы весьма подробно разбираются экспертами. Среди наиболее свежих исследований следует упомянуть, в частности, работу С. М. Федорова, в которой автор на волне событий первого года президентства Э. Макрона предположил, что политика Франции по отношению к России становится более прагматичной, а значит — более открытой для сотрудничества [3]. В свою очередь, Ю. И. Рубинский прокомментировал серию франко-российских встреч 2018–2019 гг., заметив сближение подходов к ключевым международным проблемам [4]. По наблюдению В. Н. Чернеги, Э. Макрон все же вынужден балансировать между соображениями прагматизма и евроатлантическими установками [5], что, как резюмировала Т. В. Зверева, не позволило ему придать еще больший импульс российскому вектору [6]. Среди зарубежных авторов на данную тематику регулярно высказывались А. Дюбьен [7], П. Бонифас [8], Ж. де Глиниasti [9], М. Дюкло [10] и др., так или иначе констатируя внутренние противоречия в курсе президента и отсутствие поддержки «русской политики» Франции со стороны восточноевропейских союзников. Примечательно, что в большинстве имеющихся публикаций, как правило, проводился анализ по следам отдельных крупных событий (визитов или заявлений), имевших место от года к году. Следовательно, предпринимаемая в настоящей статье попытка обобщения достижений и противоречий в российско-французских отношениях за весь период президентства Э. Макрона содержит элемент научной новизны.

Относительно общетеоретических рамок исследования необходимо заметить, что автор придерживается аналитического подхода к исследованию внешней политики, подразумевающего, что дипломатический курс государства зависит не только и не столько от факторов на уровне международной системы, сколько от его внутренних особенностей (политической системы, конкуренции элит и ведомств, характеристик и полномочий первого лица и пр.). В теории международных отношений такой взгляд обычно наиболее близок исследователям, работавшим в русле неолиберальной парадигмы. В частности, Дж. Розенау в своих работах неоднократно останавливался на феномене взаимного пересечения внутренней и внешней политики современных государств и плюрализме акторов, влияющих на принятие решений [11]. Широкую известность получила теория Р. Патнэма, предположившего, что переговоры между государствами проходят в виде «двухуровневой игры», когда сформулированное дипломатами решение должно пройти согласование (ратификацию) различными группами влияния внутри каждой страны [12]. Наиболее же ценной для решения задач настоящей статьи оказалась концепция Г. Эллисона, считавшего необходимым рассматривать правительство не только как институт, взвешенно оценивающий возможности и последствия своих действий («модель рационального актора»), но и в качестве конгломерата разнообразных ведомств со своими приоритетами и регламентами работы («модель организационного процесса»), где любое решение сводится к компромиссу между всеми влиятельными игроками, обеспечить который в идеале должен глава государства («модель бюрократической политики») [13]. Использование аналитического подхода помогло объяснить оживление двусторонних отношений фактором смены первого лица во Франции в 2017 г., а также сделать существенную оговорку о роли французского «глубинного государства».

Общие темы и примеры взаимодействия

Говоря о позитивных тенденциях в российско-французских отношениях при Э. Макроне, следует обратить внимание, что проводимая им политика отчетливо контрастировала с политикой его предшественника Ф. Олланда во второй половине его президентства (2012–2017), когда на фоне украинского кризиса двусторонний диалог в значительной степени оказался жертвой ухудшения отношений России и Запада в целом [14]. Ряд примеров тех лет свидетельствовал о наступившей паузе в отношениях Москвы и Парижа: аннулирование сделки по вертолетоносцам «Мистраль», отмена визита В. В. Путина во Францию осенью 2016 г., приостановка работы совместного Совета сотрудничества по вопросам безопасности, Совета по экономическим, финансовым, промышленным и торговым вопросам (СЕФИК). Однако с приходом Э. Макрона на пост главы государства количество разнообразных встреч и консультаций вновь возросло. Так, после встречи в Версале в 2017 г. переговоры на уровне первых лиц имели место также в 2018 г. в рамках Петербургского международного экономического форума, а на следующий год — в Осаке, форте Брегансон и Париже, к чему добавлялись многочисленные беседы в телефонном и видеоформатах. Этот ряд дополнили возобновившиеся встречи по линиям глав правительств, министерств экономики и финансов, иностранных дел и обороны, начальников генеральных штабов, спецпредставителей по отдельным вопросам, деловых кругов и т. д.

Круг основных тем, по которым стороны в результате этих встреч декларировали схожие оценки или принимали совместные решения, уместно объединить в несколько категорий: военно-политические вопросы (1); развитие экономических связей (2); культурно-гуманитарное сотрудничество (3).

(1) Важное место в российско-французских отношениях продолжили занимать дискуссии о *европейской безопасности*. В своих выступлениях Э. Макрон неоднократно называл Россию «европейской страной», с которой необходимо выстраивать «стратегический и исторический диалог», не давая ей «замыкаться в самой себе» [15]. Воспроизводя некогда звучавшие предложения Ш. де Голля о строительстве Большой Европы «от Атлантики до Урала», нынешний французский лидер предложил выработать «новую архитектуру безопасности и доверия» [4, с. 66], подразумевающую, что Евросоюз и Россия должны отказаться от логики конфронтации и активизировать сотрудничество на взаимовыгодной основе, прежде всего для разрешения конфликтов в зонах совместного соседства. Такие заявления перекликались и с российской позицией, уже долгое время базирующейся на тезисах об общей безопасности в Европе, неприемлемости искусственных разделительных линий между Россией и ЕС/НАТО. С этим настроем Франция и Россия участвовали в последнем на текущий момент «нормандском» саммите в Париже вместе с ФРГ и Украиной. Тогда страны «четверки» договорились об обеспечении прекращения огня, обмене удерживаемыми лицами и необходимости имплементации «формулы Штайнмайера» в украинское законодательство, что в совокупности на тот момент можно было считать тактическим успехом. Кроме того, при посредничестве России и некотором дипломатическом сопрово-

ждении Пятой республики осенью 2020 г. удалось остановить острую фазу конфликта в Нагорном Карабахе [16].

Отдельной строкой в двусторонних отношениях обозначилась тема *стратегической стабильности*. В 2019–2020 гг. на фоне прекращения действия договора РСМД и трудностей с продлением СНВ-III французское руководство предостерегало от повторения ситуации холодной войны, когда европейский континент фактически оказался ареной для советско-американской гонки вооружений. По убеждению Э. Макрона, в нынешних реалиях вместо логики биполярной конфронтации необходимо использовать более инклюзивный подход, сделав Европу полноправным подписантом договоров о разоружении вместе с Москвой и Вашингтоном. При этом резко сокращать собственные ядерные арсеналы Франция не намерена, поскольку и без того уже довела их до минимально достаточного уровня: сократила количество боеголовок менее чем до 300 и отказалась от наземной компоненты сдерживания [17]. В этой связи примечательно, что российская сторона не высказала принципиальных возражений против подключения европейцев к переговорному процессу, указав на аналогичную возможность в отношении КНР и непризнанных ядерных держав. Тем не менее конкретные параметры их участия, очевидно, еще будут обсуждаться в ближайшие годы. Как и другие члены «ядерного клуба», Россия и Франция не поддержали Договор о запрещении ядерного оружия, вступивший в силу в январе 2021 г.

За пределами Европы российско-французские отношения при Э. Макроне были отмечены попыткой продвинуться в разрешении *конфликтов и кризисов на Ближнем Востоке*. Так, в переговорах вокруг Сирии открылось дополнительное окно возможностей после того, как Э. Макрон скорректировал французский подход, поставив первоочередной задачей не уход Б. Асада, а борьбу с терроризмом и общую стабилизацию обстановки. Вместо жесткого списка требований Париж отныне предлагал ориентироваться на условные «красные линии», пересечение которых неприемлемо ни при каких обстоятельствах, — например, использование химического оружия [18], — но в остальном выражал готовность к сотрудничеству с широким набором игроков, включая Россию. Подтверждением новой установки стало намерение, озвученное на встрече в Санкт-Петербурге в 2018 г., установить контакт между прозападной «малой группой» и Астанинским форматом, чтобы скоординировать позиции обеих коалиций (чего в полной мере так и не произошло). По линии дипломатических и военных ведомств Париж и Москва продолжили обмен оперативной информацией об остающихся в Сирии боевиках, а также гуманитарное сотрудничество (проведение совместной доставки грузов населению Восточной Гуты). Схожие межведомственные контакты имели место и на тему Ливии после того, как лидеры обеих стран приняли участие в Берлинской конференции 2020 г.

Не менее значимым вектором франко-российского взаимодействия на Ближнем Востоке стала поддержка иранской «ядерной сделки». Париж и Москва одновременно констатировали, что, несмотря на выход США при Д. Трампе и сокращение Ираном собственных обязательств, режим Совместного всеобъемлющего плана действий 2015 г. не должен обрушиться полностью. При этом Э. Макрон предлагал идти несколько дальше — внести в повестку будущих обсуждений вопросы об ограничении ракетной программы Тегерана и региональной активности

иранских властей. В сфере интересов и России, и Франции находилась коллективная безопасность в Персидском заливе, обеспечивать которую стороны предлагали, правда, разными методами: Москва — через поэтапную консолидацию усилий всех участников [19], Париж — посредством превентивного размещения военных сил стран ЕС (операция «Agénor»).

(2) Помимо вопросов безопасности, российско-французские отношения при Э. Макроне развивались и на *торгово-экономическом треке*. В частности, удалось временно увеличить двусторонний товарооборот, сократившийся за предыдущий период более чем в два раза. Если в 2011 г. этот показатель составлял 28 млрд долл., а в 2016 г. — 13,3 млрд [20, p. 29], то по итогам 2018 г. он вышел на уровень 17,2 млрд (хотя впоследствии опять упал до 14,9 млрд и ниже из-за общего сокращения российско-европейских экономических связей и пандемии коронавируса) [21, p. 30]. Во многом этот всплеск был обусловлен фактором ПМЭФ 2018 г., в котором французская делегация участвовала на правах специального гостя и заключила пакет соглашений с российской стороной на сумму более 1 млрд долл. За время мандата Э. Макрона Пятая республика оставалась в числе ведущих партнеров России с точки зрения накопленных инвестиций — 22 млрд долл., третье место среди всех стран ЕС (2019) [21, p. 30]. Несмотря на санкции, на территории России продолжили работу филиалы порядка 500 французских корпораций, включая такие крупные, как Auchan или Leroy Merlin, и 1200 компаний с французским участием. По линии Франко-российской торгово-промышленной палаты в апреле 2019 г., а также два года спустя организовывались специальные встречи представителей деловых кругов Франции с президентом В. В. Путиным. Ключевой сферой делового сотрудничества двух стран оставалась энергетика, учитывая участие компании Engie в строительстве трубопровода «Северный поток-2» и компании Total — в разработке месторождений «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2», возведении перевалочных терминалов в Мурманске и на Камчатке. Продолжилось взаимодействие и в атомной сфере, где выделялось подписание в 2020 г. меморандума о взаимопонимании между Росатомом, Framatome и General Electric по проекту АЭС «Белене» (Болгария). В целом, по наблюдению российского исследователя Е. А. Юмаева, именно Пятая республика сегодня остается для России одним из немногих источников «умных» инвестиций, способных создать высококвалифицированные рабочие места [22, с. 129].

Что касается накопленных инвестиций из России во Францию, то за время президентства Э. Макрона они пусть и остались на сравнительно невысоком уровне, но успели вырасти на треть: с 1,8 млрд евро на конец 2016 г. [23, с. 65] до 3,1 млрд через три года [20, p. 30]. При этом, согласно официальным данным, в Пятой республике было зарегистрировано лишь около 30 российских предприятий, на которых работало в совокупности 3500 человек (2018 г.) [24]. Основными секторами, интересовавшими отечественных бизнесменов, были транспорт, индустрия гостеприимства, металлургия, цифровая безопасность и финансы [23, с. 65]. Поскольку тема «экономики будущего» уже обсуждалась на последних заседаниях СЕФИК [4, с. 67], этот список вскоре могут пополнить низкоуглеродные секторы: строительство ветряных электростанций, водородная энергетика, новые технологии городского планирования, — в которых опыт Франции может быть востребован и в России.

(3) Традиционным спутником политического и экономического взаимодействия двух стран оставалось сотрудничество в *культуре, науке и образовании*. Так,

уже на первой встрече президентов в Версале был согласован запуск так называемого «Трианонского диалога», нацеленного на усиление контактов по линии гражданских обществ. В рамках нового формата стал осуществляться постоянный сбор перспективных проектов в сферах урбанизма, защиты окружающей среды, здравоохранения и туризма; организация форумов, конференций, фестивалей, выставок и пр. Каждый год работа Диалога велась на одну сквозную тему (например, 2021 г. — «Год экологии, здоровья и науки»), тогда как финансирование обеспечивалось каждой стороной самостоятельно, за счет бюджетных или частных средств. Помимо этого, в 2018 г. был проведен франко-российский перекрестный год языка и литературы, в рамках которого состоялись обмены визитами современных писателей, а в 2021 г. — год межрегионального сотрудничества, темами которого стало, в частности, развитие побратимских связей между городами, контактов на уровне отдельных университетов, школ, музеев. Среди иных примеров в данном блоке следует выделить:

- заключение на полях ПМЭФ 2018 г. соглашения между СПбГУ и Сорбонной о разработке образовательных программ по модели двух дипломов;
- дальнейшее развитие проекта «Российско-Французский университет» (консорциум ведущих учебных заведений обеих стран);
- проведение в 2020 г. фестиваля «Русские сезоны» в Париже;
- участие посольств обоих государств в праздновании 75-летия Победы в Великой Отечественной войне;
- передачу французской стороне останков генерала Ш.-Э. Гюдена, погибшего под Смоленском в 1812 г., и мн. др.

Столь интенсивное развитие контактов по всем трем трекам говорило о том, что при Э. Макроне российско-французские отношения вышли «на путь восстановления полноформатного двустороннего сотрудничества» [21, р. 52], в значительной степени вернув в них положительную динамику, упущенную при Ф. Олланде. По мнению эксперта А. Дюбьена, проводя подобный курс, французский президент отталкивался преимущественно от негативной мотивации: невозможности решить ряд международных вопросов без взаимодействия с Россией наряду с желанием предотвратить полную переориентацию Москвы в сторону Пекина [25]. Однако возобновление диалога с Москвой отвечало и внутривнутриполитическим соображениям, позволив главе государства набрать очки в глазах правой части французской общественности (электората «Республиканцев» и «Национального объединения»), среди которой голлистская установка на поддержание «особого» характера двусторонних отношений еще сохраняет популярность.

Основные группы противоречий

Тем не менее при всех вышеперечисленных примерах удачного взаимодействия двух стран было бы неверным утверждать, что в 2017–2021 гг. отношения России и Франции имели безоблачный характер. Напротив, по целому ряду принципиальных вопросов сохранялись разночтения и противоречия, практически уравновешивавшие накопленный позитив.

Во-первых, французское руководство продолжило выносить негативные оценки в адрес России на доктринальном уровне — в основополагающих документах

внешней и военной политики. Так, в Стратегическом обзоре по обороне и национальной безопасности, подготовленном по поручению Э. Макрона летом–осенью 2017 г., Москва представлена как непредсказуемый игрок, чьи действия создают угрозу для безопасности европейских стран. По словам авторов Обзора, Россия «оспаривает или блокирует международные институты и инструменты и поощряет создание, когда речь идет о ее собственных интересах, альтернативных региональных инстанций» [26, р. 18]. На северном и южном флангах НАТО происходит «возрождение русской мощи», наблюдается желание Кремля «восстановить зону влияния», выражающееся в «незаконной аннексии» Крыма, занятии «провокационной позиции» в отношении Прибалтики, постоянном присутствии в Северной Атлантике и Средиземном море [26, р. 23–24]. По мнению авторов документа, российская сторона «стремится к ослаблению трансатлантических связей и расколу Евросоюза», а в качестве ключевого инструмента своего внешнего влияния использует вооруженные силы, успешно прошедшие модернизацию [26, р. 42]. Все это требует от европейцев «твердости», пусть и сочетающейся с диалогом по вопросам, представляющим взаимный интерес. Несмотря на состоявшееся с тех пор оживление франко-российских связей, аналогичная логика рассуждений была представлена и в более позднем тексте — «Стратегическом обновлении» 2021 г., — где отмечались высокие возможности России по проекции силы и ее стремление закрепиться не только в ближнем зарубежье, но и в удаленных регионах мира [27, р. 21].

Примечательно, что к подобным геополитическим рассуждениям французское руководство иногда добавляло также ценностный аспект. Например, в речи на конференции французских послов 2019 г. Э. Макрон сделал негативный акцент на православном «русском проекте» — «глубоко консервативном», оппозиционном по отношению к ЕС и, с его точки зрения, не способном лечь в основу современной европейской цивилизации [28]. На саммите G20 в Осаке между лидерами России и Франции обозначилась дискуссия о либеральной идеологии: французский президент соглашался с В. В. Путиным насчет ее сегодняшнего кризисного состояния, но настаивал, что либерализм еще может быть востребован в современном мире [29]. Кроме того, стороны заочно полемизировали по поводу причин Второй мировой войны: пока российская сторона неоднократно усматривала со стороны западных политиков попытки искажения истории, Франция отвечала упреками в чрезмерной политизации данного вопроса. Заметим, что, со своей стороны, ценностный аспект конфронтации Москвы и Запада учитывало и российское руководство, указав в новой Стратегии национальной безопасности РФ искусственное распространение социальных и моральных установок США и их союзников в числе непосредственных угроз традиционным ценностям России [30].

Во-вторых, даже при некотором сотрудничестве в решении региональных конфликтов Франция и Россия расходились в базовых оценках и приоритетах их дальнейшего урегулирования. Прежде всего, французская дипломатия не изменила свою позицию по Крыму, де-юре не признавая его вхождение в состав России в 2014 г. и последовательно поддерживая все антироссийские санкции ЕС. Как и большинство других европейских государств, Пятая республика направила своего представителя (министра-делегата по внешней торговле Ф. Ристера) на саммит так называемой «Крымской платформы» в августе 2021 г., подчеркнув тем самым свое согласие с украинской точкой зрения. В отношении конфликта на Донбассе

Франция продолжила ожидать, пока именно Москва, а не Киев, предпримет какие-либо шаги по реализации Минских соглашений. При этом официальный Париж, как правило, не замечал различных нарушений с украинской стороны, не реагируя и на принимаемые ею дискриминационные законы (в частности, «О коренных народах Украины» 2021 г.). Как справедливо замечает Е. А. Нарочницкая, в целом для французской дипломатии на Украине оставалась наиболее предпочтительной ситуация полузамороженного конфликта, не требующая от нее более глубокого вовлечения в ущерб своим евроатлантическим обязательствам [31].

Не до конца совпадали позиции России и Франции и в сирийском переговорном процессе: если новый подход, используемый Э. Макроном, сделал французскую позицию в целом более гибкой, то установление самого факта пересечения «красных линий» Париж оставлял на собственное усмотрение. Это сказалось в апреле 2018 г., когда Франция в коалиции с Великобританией и США нанесла ракетный удар по нескольким объектам, позиционировав его в качестве ответа на предполагаемое использование химического оружия силами Б. Асада. Российская сторона тогда посчитала доказательную базу, использованную западными странами, необъективной и недостаточной, а также объявила о перехвате большей части ракет средствами ПВО Сирии [32]. Считая первоочередной задачей борьбу с международным терроризмом, Париж, тем не менее, полагал, что сирийскому президенту рано или поздно необходимо будет уйти, впоследствии не признав легитимность выборов 2021 г.

В-третьих, обозначилось определенное соперничество России и Франции на африканском континенте. При Э. Макроне Пятая республика предприняла очередную попытку перестроить отношения со своими бывшими колониями, рассчитывая сделать их более равноправными и уйти от образа «жандарма Африки», согласно которому Черный континент воспринимался как исключительно французская сфера влияния. Для этого был предпринят ряд шагов по укреплению суверенитета местных государств, от поддержки в формировании их вооруженных сил до согласия на реформу франка КФА. Однако практика показала, что к присутствию здесь других игроков Париж в любом случае остается чувствителен: со стороны МИД звучали осуждающие заявления относительно влияния Москвы в Центральноафриканской Республике и «российского следа» в росте антифранцузских настроений в Сахельском регионе [33]. Внимание зарубежных журналистов и экспертов привлек не только саммит «Россия — Африка» в октябре 2019 г. или присутствие отечественных военных специалистов на Черном континенте, но и рост деловых связей российского бизнеса с африканскими странами по широкому спектру направлений [34], что на политическом уровне было истолковано как появление нежелательного для Франции конкурента.

В-четвертых, двусторонний диалог непросто развивался по таким темам, как киберпространство, космос и здравоохранение. В 2018 г. по инициативе Э. Макрона был запущен так называемый «Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве» — документ, открытый для подписания государствами, международными организациями, частными компаниями и некоммерческими структурами, содержащий перечень универсальных правил поведения в цифровой сфере (защита прав человека, невмешательство в избирательный процесс и пр.). Российская сторона поддержала общий посыл инициативы и согласилась вести консультации по линии спецпредставителей по цифровым вопросам (А. В. Крутских и А. Вердье),

однако заметила во французской инициативе ряд спорных положений, включая размытие ключевой роли государств в обеспечении кибербезопасности [35]. Более того, Москва продолжала оппонировать самой методологии подобных призывов, считая их направленными на создание узких «коалиций желающих», тогда как более легитимными были бы переговоры в системе ООН [36]. Параллельно на космическом треке Париж не поддержал российское обязательство по неразмещению первыми оружия в космосе (НПОК) и, напротив, сформулировал свои приоритеты освоения заатмосферного пространства в русле постепенного наращивания национальных военных возможностей. В сфере же здравоохранения Э. Макрон выступил против российской политики распространения вакцин от коронавируса, обвинив Кремль в развязывании «мировой войны нового типа» [39].

В-пятых, негативный фон для развития двусторонних отношений усугубили сюжеты, связанные с судьбами отдельных лиц и правозащитной тематикой. Пятая республика безоговорочно присоединялась к своим европейским партнерам в «деле Скрипалей» и «деле Навального», считая эти эпизоды примерами использования химического оружия, хотя и публично не предъявляя никаких доказательств. Организации гражданского общества Франции неоднократно выражали беспокойство по поводу проблемы независимости НКО в России, прав ЛГБТ-сообщества, а также в связи с задержаниями различных деятелей и активистов [40, с. 182]. Французские СМИ постоянно отслеживали процесс фонда Baring Vostok, в рамках которого их соотечественник Ф. Дельпаль был обвинен российскими властями в растрате имущества в особо крупном размере. По замечанию Е. А. Юмаева, это дело стало одним из основных отрицательных факторов с точки зрения привлечения французских инвестиций в Россию, коих в ином случае могло быть несколько больше [22, с. 131]. Наконец, Кремль и Елисейский дворец по-разному оценили все события в Республике Беларусь 2020–2021 гг.: пока первый продолжал интенсивные переговоры с официальным Минском, второй обвинял президента А. Г. Лукашенко в организации репрессий против оппозиции.

Таким образом, представленные группы противоречий создали комплексный эффект, существенно ограничив потенциал российско-французского диалога. Согласно распространенному среди российских и зарубежных исследователей мнению, значимую роль в этом сыграл также институциональный фактор в лице французского «глубинного государства». Действительно, в начале своего президентского срока Э. Макрон указывал на существование в различных ведомствах (прежде всего МИД и Министерстве вооруженных сил) прослойки профессиональных чиновников, считающих отношения с Москвой второстепенным вектором по сравнению с евроатлантической солидарностью [28]. По логике президента, эти чиновники привыкли саботировать решения своего высшего руководства на российском векторе, пропуская их через фильтры внутренних процедур, согласований и корректировок, из-за чего на практике итоговый результат получался гораздо скромнее задуманного. Сюда же добавлялась работа французской прессы — ведущих газет и телеканалов, нередко преподносивших новости о России в негативных тонах, следуя общему западному нарративу [41] и тем самым создавая заведомо скептический фон вокруг попыток президента расширить связи с Россией. Критические взгляды в отношении Кремля наблюдались и в академическом сообществе: например, именно в таком духе написана одна из недавних книг директора института IFRI Т. Гомара, поколенчески

и идеологически, как замечает Е. О. Обичкина, весьма близкого к нынешней правящей команде [37, с. 12]. В результате эта линия пока оказалась более влиятельной, чем взгляды условно «пророссийских» фигур в окружении первого лица — бывших министров иностранных дел Ж.-П. Шевенмана, Ю. Ведрина и др. [38, с. 279]. С теоретической точки зрения данная ситуация вписывалась в упомянутые выше модели «организационного процесса» и «бюрократической политики» Г. Эллисона: курс Э. Макрона на российском направлении столкнулся с «рутинной» практикой государственных ведомств, а сам президент, по-видимому, не смог быстро выстроить консенсус основных игроков, влияющих на принятие решений (главы МИД Ж.-И. Ле Дриана, министра вооруженных сил Ф. Парли, руководителей военного и разведывательного блоков, шефов крупнейших СМИ, экспертов). Судя по всему, глава государства в принципе не был до конца убежден в необходимости подобного согласия, ведь и он сам далеко не единожды брал на себя роль публичного критика России, лишь усиливая взаимное недопонимание двух стран.

Перспективы

Обобщив основные достижения и противоречия в двусторонних отношениях за последние годы, уместно сделать предположение о том, в каком направлении будет эволюционировать диалог России и Франции после предстоящих президентских выборов в Пятой республике. Как следует из социологических исследований, основными участниками избирательной гонки являются Э. Макрон и М. Ле Пен: весьма вероятно, именно они выйдут во второй тур, как уже происходило в 2017 г. [42]. Отсюда выделяются два варианта развития событий в случае победы каждого из них.

Наиболее вероятный сценарий — переизбрание Э. Макрона — будет означать, что отношения России и Франции не станут принципиально лучше или даже ухудшатся по сравнению с его первым сроком. Политика «требовательного диалога» могла бы оставаться наиболее удобной для президента, поскольку позволила бы и впредь добиваться точечных договоренностей с Москвой там, где это диктуется французскими интересами, но не слишком далеко выходить за пределы западного лагеря. Запустив обсуждение идей «новой архитектуры безопасности» и «переосмысления отношений с Россией», Э. Макрон прежде всего стремился выиграть Европе время для решения более срочных задач, будь то восстановление экономики от коронакризиса, реализация климатической повестки или подготовка к формирующемуся американо-китайскому противостоянию. Одновременно с учетом прихода нового руководства в ФРГ французский лидер наверняка продолжит попытки утверждения в статусе главного переговорщика от лица ЕС, пытаясь придать французским заявлениям и инициативам на российском направлении общеевропейский характер. Такой подход наверняка будет применяться и непосредственно до выборов — уже в первом полугодии 2022 г., когда Франция будет исполнять обязанности председателя Евросоюза. Однако это потребует от президента дополнительно учитывать позицию Восточной Европы, чей настрой в отношении Москвы традиционно негативен; следовательно, прорывных шагов так и не произойдет. Следует учитывать, что, по свидетельству некоторых экспертов, в Елисейском дворце уже накопилось разочарование из-за отсутствия быстрых результатов от сближения 2018–2019 гг.

[7]: на втором сроке Э. Макрона это может сказаться в виде сокращения его активности на российском направлении. В целом следует ожидать, что на втором сроке действующего президента продолжит наблюдаться традиционный разрыв между «высокой» и «низкой» политикой: пока в военно-политических сюжетах отношения между Францией и Россией будут отягощены рядом противоречий, на экономическом и гуманитарном треках будет развиваться вполне интенсивное взаимодействие. При этом Париж в полном объеме останется участником антироссийских санкций, которые Э. Макрон называл неэффективным, но политически необходимым инструментом воздействия [39].

Второй, менее вероятный сценарий — победа М. Ле Пен — поначалу может казаться весьма благоприятным для развития двусторонних отношений. Не следует забывать, что уже в 2017 г. именно М. Ле Пен была в числе французских политиков, предлагавших нормализовать отношения с Москвой без каких-либо предварительных условий [38, с. 278]. Принимая во внимание давние симпатии лидера «Национального объединения» к России и уже наработанные контакты (встречу с В. В. Путиным в Кремле в 2017 г.), можно ожидать, что с французской стороны последуют разнообразные дружественные жесты: новые обмены визитами, расширение деловых и культурных связей, частичная переоценка некоторых поводов для разногласий (Сирия, Африка). Гипотетически нельзя исключать, что крайне правое руководство Республики (особенно если президентское кресло займет не М. Ле Пен, а Э. Земмур) попытается поставить на уровне ЕС вопрос о снятии, хотя бы частичном, антироссийских санкций — впрочем, без особых шансов на понимание со стороны других европейских стран. Однако со временем скажется тот факт, что внешнеполитическая программа М. Ле Пен уже не предполагает полного разрыва Пятой республики с западным миром: речь не идет ни о выходе из Евросоюза, ни о полном отказе от НАТО. В июльской 2021 г. статье для журнала «L'Opinion» лидер французских крайне правых уже призывала сделать ставку на укрепление союза с Великобританией и США [43], что плохо соответствует задаче укрепления стратегической автономии ЕС и тем более привилегированным отношениям с Россией. Поэтому с наибольшей вероятностью восточная политика М. Ле Пен будет представлять собой некую комбинацию диалога и сдерживания. В скобках стоит заметить, что похожего курса следует ожидать и от гипотетической третьей силы — правоцентристских «Республиканцев», если их кандидат В. Пекресс сумеет отыграть отставание от двух фаворитов. В менее линейном ключе ситуация может развиваться в случае если президентское кресло займет какая-либо неожиданная фигура — например, крайне правый публицист Э. Земмур, набравший президентский рейтинг практически до уровня М. Ле Пен [44]. Однако ни один потенциальный сменщик Э. Макрона не сможет игнорировать французское «глубинное государство», которое уже проявило себя в 2017–2021 гг. и будет ограничивать любые резкие решения, действуя по моделям «организационного процесса» и «бюрократической политики».

По состоянию на январь 2022 г. можно было говорить о том, что российско-французские отношения после 2022 г. сохранят свой двойственный характер. Такой расклад позволил бы сторонам по крайней мере сохранить возможность для избирательного сотрудничества, когда большее вряд ли возможно. Представлялось, что, наряду с разрешением региональных конфликтов, экономическим и культурным

сотрудничеством, наиболее перспективными темами для диалога России и Франции в ближайшие годы могли бы стать информационная безопасность, космос, здравоохранение и, в случае преодоления имевшегося недоверия, Африка. После событий августа 2021 г. прослеживалась перспектива двустороннего взаимодействия по теме Афганистана, учитывая уже обозначенное намерение Парижа искать совместное решение со всеми постоянными членами Совбеза ООН [45]. Так или иначе, франко-российские консультации по вопросам безопасности и антитеррора в силу самой специфики этих сфер наверняка сохранят непубличный характер, что показала поездка главы МВД Франции Ж. Дарманена в Москву осенью 2020 г., почти не освещавшаяся в прессе обеих стран [38, с. 282]. Повышенное внимание, скорее всего, могло бы уделяться еще и сотрудничеству в области климата и энергетического перехода, поскольку в долгосрочных подходах обоих государств прослеживается как минимум один общий тезис — признание мирного атома в качестве «чистого» вида энергии. Соответственно, вне зависимости от исхода выборов 2022 г. должны были продолжиться уже существующие контакты между «Росатомом» и французскими энергетическими компаниями на предмет производства оборудования, обеспечения безопасности реакторов, транспортировки радиоактивных материалов и пр. В целом должно ожидалось поддержание и двустороннего сотрудничества в сфере добычи углеводородов (проект «Арктик СПГ-2»), учитывая проявившую осенью 2021 г. во время «газового кризиса» в ЕС неготовность европейских стран быстро отказаться от этого вида топлива. В свете появления Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. видное место в диалоге России и Франции могли бы занять такие сюжеты, как развитие водородной энергетики, взаимное признание климатических стандартов, инвестиции в лесное хозяйство и многое другое — в зависимости от того, нашли бы в них точки соприкосновения правительственные структуры, региональные власти и деловые круги обеих стран.

Несмотря на достаточно широкий потенциал двустороннего сотрудничества, события, развернувшиеся в феврале 2022 г., в значительной степени осложнили его претворение в жизнь, поскольку после начала российской спецоперации на Украине Париж однозначно присоединился к своим западным союзникам и трактовал действия Москвы как «акт агрессии». Пятая Республика в полном объеме поддержала новые ограничительные меры против России, организовав учет имущества всех подсанкционных лиц на своей территории, одобрив поставки вооружений украинской стороне и развернув собственный дополнительный контингент в Румынии. С этим контрастировал тот факт, что по истечении первых недель после обострения многие французские компании (Leroy Merlin, Auchan, Danone и др.) не спешили присоединиться к массовому исходу их европейских коллег с российского рынка — и такая позиция была поддержана Э. Макроном [46]. Вкупе с частыми телефонными переговорами лидеров двух стран данное обстоятельство позволяло сохранять осторожный оптимизм относительно двусторонних связей, по крайней мере, на деловом треке. Однако ввиду высокой степени непредсказуемости ситуации нельзя исключать и негативного варианта, при котором французское присутствие в России все же сократится в рамках общего тренда. Представляется, что в случае переизбрания Э. Макрона его линия на «требовательный диалог» с Россией, проводившаяся в 2017–2021 гг., может быть пересмотрена в сторону ужесточения,

когда «требовательности» станет существенно больше, а «диалог» окажется сведенным к минимуму. К этому президента будут подводить не только соображения солидарности с партнерами по ЕС и НАТО, но и внутривластная ситуация, когда практически все крупные фигуры (включая даже М. Ле Пен) в той или иной мере осудили действия России, сформировав негативный фон для любых попыток нормализации в ближайшем будущем.

Литература

1. Тимофеев, П. П. (2018), Президентские выборы во Франции 2017 г. и Россия, *Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, № 2, с. 102–113.
2. Макрон, Э. (2019), *Революция*, М.: Изд-во МГУ.
3. Федоров, С. М. (2018), Российско-французские отношения сегодня: между надеждами и сомнениями, *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 5, с. 15–22.
4. Рубинский, Ю. И. (2019), Россия — Франция: диалог продолжается, *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 3, с. 66–71.
5. Чернега, В. Н. (2018), Франция и Россия в эпоху Э. Макрона: возможно ли реальное сближение? *Россия и современный мир*, № 1, с. 113–125.
6. Зверева, Т. В. (2020), Политика Франции в отношении России: новый этап, *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, № 2, с. 32–47.
7. Дюбьен, А. (2021), Политика ЕС в отношении России: изменить все, чтобы ничего не менять, *Эксперт*, 31 мая. URL: <https://expert.ru/2021/05/31/politika-yes-v-otnoshenii-rossii-izmenit-vse-chtoby-nichego-ne-menyat/> (дата обращения: 15.08.2021).
8. Бонифас, П. (2019), Зачем Макрон хочет наладить стратегический диалог с Россией? *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*, 24 июня. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/makron-strategicheskiy-dialog/> (дата обращения: 15.08.2021).
9. Gliniasty, J. de (2018), Russie: visite symbolique du président Macron? *IRIS*, 24 mai. URL: <https://www.iris-france.org/113050-russie-visite-symbolique-du-president-macron/> (дата обращения: 15.08.2021).
10. Emmanuel Macron — “l’Europe au bord d’un précipice” (2019), *Institut Montaigne*, 20 novembre. URL: <https://www.institutmontaigne.org/blog/emmanuel-macron-leurope-au-bord-dun-precipice> (дата обращения: 15.08.2021).
11. Rosenau, J. N. (1997), *Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World*, New York: Cambridge University Press.
12. Putnam, R. (1988), Diplomacy and domestic politics: the logic of two-level games, *International Organization*, vol. 42, no. 3, p. 427–460.
13. Allison, G. and Zelikow, P. (1999), *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*, New York: Longman.
14. Изотов, А. В. (2021), Формирование кризиса в отношениях России с Европейским союзом и западным сообществом: перспективы изменения ситуации, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, т. 14, № 2, с. 139–155. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.202>.
15. Le monde selon Macron: ce que le chef de l’Etat a confié au JDD (2018), *Le Journal du Dimanche*, 6 mai. URL: <https://www.lejdd.fr/International/le-monde-selon-macron-ce-que-le-chef-de-letat-a-confie-au-jdd-3644378> (дата обращения: 15.08.2021).
16. Кривошеев, К. (2020), Третий кондоминиум. Как Карабах изменит отношения России и Турции, *Московский центр Карнеги*, 9 октября. URL: <https://carnegie.ru/commentary/82932> (дата обращения: 15.08.2021).
17. *Discours du Président Emmanuel Macron sur la stratégie de défense et de dissuasion devant les stagiaires de la 27ème promotion de l’école de guerre* (2020), 7 février. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/07/discours-du-president-emmanuel-macron-sur-la-strategie-de-defense-et-de-dissuasion-devant-les-stagiaires-de-la-27eme-promotion-de-lecole-de-guerre> (дата обращения: 15.08.2021).
18. Становая, Т. (2017), Либеральный голлизм. Как строится новая внешняя политика Франции, *Московский центр Карнеги*, 8 августа. URL: <https://carnegie.ru/commentary/72741> (дата обращения: 15.08.2021).
19. *Российская Концепция коллективной безопасности в зоне Персидского залива*, 23 июля, 2019. URL: https://www.mid.ru/rossijskaa-konceptcia-kollektivnoj-bezopasnosti-v-zone-persidskogo-zaliva/-/asset_publisher/2lVdNGBn6g2B/content/id/3733575 (дата обращения: 15.08.2021).

20. *Rapport conjoint relatif au dialogue parlementaire pour rétablir la confiance entre la France et la Russie*, mars 28, 2018. URL: <https://www.senat.fr/rap/r17-387-1/r17-387-11.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).
21. *Rapport conjoint relatif à un agenda de confiance entre la France et la Russie*, juin 3, 2020. URL: <http://www.senat.fr/rap/r19-484-1/r19-484-11.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).
22. Юмаев, Е. А. (2021), Инвестиционные приоритеты Франции в России, *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 3, с. 128–136.
23. Комиссарова, Ж. Н. (2018), Состояние и перспективы экономических отношений Франции и России, в Клинова, М. В., Кудрявцев, А. А., Рубинский, Ю. И. и Тимофеев, П. П. (ред.). *Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути*, М.: ИМЭМО РАН, с. 60–65.
24. *Relations bilatérales*, novembre 17, 2020. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/russie/relations-bilaterales/> (дата обращения: 15.08.2021).
25. Дюбьен, А. (2019), Россия — Франция: к новому старту? *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*, 24 июня. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-frantsiya-k-novomu-startu/> (дата обращения: 15.08.2021).
26. *Revue stratégique de défense et de sécurité nationale*, décembre 14, 2017. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements-archives/revue-strategique-de-defense-et-de-securite-nationale-2017> (дата обращения: 15.08.2021).
27. *Actualisation stratégique 2021*, février 10, 2021. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements/actualisation-strategique-2021> (дата обращения: 15.08.2021).
28. *Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs*, août 27, 2019. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1> (дата обращения: 15.08.2021).
29. *Conférence de presse à l'issue du G20 Osaka*, juin 29, 2019. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/06/29/conference-de-presse-a-l-issu-du-g20-osaka> (дата обращения: 15.08.2021).
30. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», 2 июля, 2021. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).
31. Нарочницкая, Е. А. (2019), Украинский конфликт и Крым: испытание французской дипломатии, *Перспективы. Электронный журнал*, № 1, с. 20–37. URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/22a/1_2019-1_20_37.pdf (дата обращения: 15.08.2021).
32. Минобороны назвало число выпущенных для отражения удара по Сирии ракет, *РБК*, 16 апреля, 2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2018/5ad4d7689a79475d465fa040> (дата обращения: 15.08.2021).
33. France-Russie: Paris dénonce la «captation de pouvoir» de Moscou en Centrafrique, *Jeune Afrique*, juin 18, 2021. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1190306/politique/france-russie-paris-denonce-la-captation-de-pouvoir-de-moscou-en-centrafrique/> (дата обращения: 15.08.2021).
34. Дюбьен, А. (2019), Россия и Африка: мифы и реальность, *Аналитическая записка Обсерво*, № 19, 1 октября. URL: <https://obsfr.ru/analytics/notes/10952/> (дата обращения: 15.08.2021).
35. *Комментарий Департамента информации и печати МИД России о российских оценках французской инициативы «Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве»*, 20 ноября, 2018. URL: https://www.mid.ru/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/3413302 (дата обращения: 15.08.2021).
36. Lavrov, S. (2021), On Law, Rights and Rules, *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 3, p. 228–240.
37. Обичкина, Е. О. (2020), «Русский вопрос» в европейской политике: размышления о книге Т. Гомара, *Международные процессы*, № 3, с. 6–22.
38. Дюбьен, А. и Лапина, Н. Ю. (2021), Франко-российские отношения: что нас ждет впереди? *Актуальные проблемы Европы*, № 3, с. 275–287.
39. *Conseil européen du 25 mars 2021*. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/03/25/conseil-europeen-du-25-mars-2021> (дата обращения: 15.08.2021).
40. Тимофеев, П. П. (2018), Россия в оборонной повестке президента Франции Э. Макрона: оппонент или партнер? В сб.: Клинова, М. В., Кудрявцев, А. А., Рубинский, Ю. И. и Тимофеев, П. П. (ред.), *Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути*, М.: ИМЭМО РАН, с. 176–184.
41. Кошкин, П. Г. (2019), Формирование нового образа России в прессе Запада с 2014 по 2019 г., *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, т. 12, № 4, с. 477–499. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.406>.
42. Baromètre de l'élection présidentielle — vague 2, *Ifop*, juillet 5, 2021. URL: <https://www.ifop.com/publication/barometre-de-lelection-presidentielle-vague-2/> (дата обращения: 15.08.2021).

43. Le Pen, M. (2021), «Berlin n'est pas le bon partenaire de Paris dans le champ du régalien», *L'Opinion*, 13 juillet. URL: <https://www.lopinion.fr/edition/politique/berlin-n-est-pas-bon-partenaire-paris-tribune-marine-lepen-249863> (дата обращения: 15.08.2021).

44. SONDAGE EXCLUSIF — Présidentielle 2022: Macron en tête, Zemmour et Le Pen au coude-à-coude, les candidats LR distancés, *LCI*, novembre 7, 2021. URL: <https://www.lci.fr/politique/sondage-exclusif-presidentielle-2022-macron-en-tete-zemmour-et-le-pen-au-coude-a-coude-les-candidats-lr-distances-la-gauche-loin-derriere-2201191.html> (дата обращения: 08.11.2021).

45. *Allocution relative à la situation en Afghanistan*, août 16, 2021. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/08/16/allocution-relative-a-la-situation-en-afghanistan> (дата обращения: 20.08.2021).

46. Le Figaro: Макрон посоветовал французским компаниям не покидать российский рынок (2022), *Коммерсант*, 5 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5249209> (дата обращения: 10.03.2022).

Статья поступила в редакцию 6 ноября 2021 г.
Статья рекомендована к печати 16 декабря 2021 г.

Контактная информация:

Чихачев Алексей Юрьевич — канд. полит. наук; alexchikhachev@gmail.com

Russia — France relations under President Emmanuel Macron: Achievements and inconsistencies

A. Yu. Chikhachev

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Chikhachev A. Yu. Russia — France relations under President Emmanuel Macron: Achievements and inconsistencies. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2022, vol. 15, issue 1, pp. 86–104. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.106> (In Russian)

This article examines the state and prospects of Russia-France relations on the basis of preliminary results of Emmanuel Macron's presidency. The author assumes that the dialogue between these two countries has traditionally been characterized by a certain duality, where close cooperation in various spheres did not exclude mutual contradictions. The analysis of the main examples from bilateral relations in 2017–2021 shows that this feature is still observed at present. On the one hand, cooperation between Moscow and Paris clearly has experienced a revival after the last years of François Hollande's term, as expressed in constant meetings at the highest level and the restart of ministerial contacts. The French government demonstrates its readiness to discuss a wide range of topics, including European security, strategic stability, conflict resolution in Ukraine and the Middle East, and development of economic and cultural ties. On the other hand, under Macron the list of issues on which both countries hold different positions has continued to grow. Paris negatively perceives the spread of the Kremlin's international influence; emphasizes the difference in basic values; disagrees with Moscow on priorities of further settlement of regional conflicts, Internet, and space governance; openly criticizes the Russian presence in Africa; and supports Western allies in several political affairs. This kind of duality will likely continue after the 2022 presidential elections in the Fifth Republic, because each of the potential winners, while trying to continue bilateral cooperation, will inevitably have to take into account obligations within the Euro-Atlantic community. At the same time, with the beginning of Russia's special operation in Ukraine in February 2022, French diplomacy is expected to make focus on toughness rather than dialogue.

Keywords: Russia, France, European security, *Trianon Dialogue*, Emmanuel Macron.

References

1. Timofeev, P.P. (2018), Presidential Elections in France in 2017 and Russia, *History Studies. Journal of the History Faculty of Lomonosov Moscow State University*, no. 2, p. 102–113. (In Russian)
2. Macron, E. (2019), *Revolution*, Moscow: Moscow University Press. (In Russian)
3. Fedorov, S.M. (2018), Russian-French Relations Today: Between Hopes and Doubts, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 5, pp. 15–22. (In Russian)
4. Rubinskiy, Y.I. (2019), Russia — France: dialogue is under way, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 3, pp. 66–71. (In Russian)
5. Chernega, V.N. (2018), France and Russia in the Era of E. Macron: A Real Rapprochement, is it Possible? *Russia and the Contemporary World*, no. 1, pp. 113–125. (In Russian)
6. Zvereva, T.V. (2020), France's Policy Towards Russia: A New Stage, *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, no. 2, pp. 32–47. (In Russian)
7. Dubien, A. (2021), The EU's Policy Towards Russia: To Change Nothing y Changing Everything, *Expert*, May 31. Available at: <https://expert.ru/2021/05/31/politika-yes-v-otnoshenii-rossii-izmenit-vsechto-by-nichego-ne-menyat/> (accessed: 15.08.2021). (In Russian)
8. Boniface, P. (2019), Emmanuel Macron Wants to Give a New Impetus to the Strategic Dialogue with Russia, *Valdai Discussion Club*, June 24. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/makron-strategicheskij-dialog/> (accessed: 15.08.2021). (In Russian)
9. Gliniasty, J.de (2018), Russie: visite symbolique du président Macron?, *IRIS*, 24 mai. Available at: <https://www.iris-france.org/113050-russie-visite-symbolique-du-president-macron/> (accessed: 15.08.2021).
10. Duclo M. (2019), Emmanuel Macron — “l'Europe au bord d'un précipice” (2019), *Institut Montaigne*, novembre 20. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/blog/emmanuel-macron-leurope-au-bord-dun-precipice> (accessed: 15.08.2021).
11. Rosenau, J.N. (1997), *Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World*, New York: Cambridge University Press.
12. Putnam, R. (1988), Diplomacy and domestic politics: the logic of two-level games, *International Organization*, vol. 42, no. 3, pp. 427–460.
13. Allison, G., Zelikow, P. (1999), *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*, New York: Longman.
14. Izotov, A.V. (2021), Crisis formation in Russia's relations with the European Union and the Western community: Prospects for changes, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 14, iss. 2, pp. 139–155. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.202>. (In Russian)
15. Le monde selon Macron: ce que le chef de l'Etat a confié au JDD (2018), *Le Journal du Dimanche*, 6 mai. Available at: <https://www.lejdd.fr/International/le-monde-selon-macron-ce-que-le-chef-de-letat-a-confie-au-jdd-3644378> (accessed: 15.08.2021).
16. Krivosheev, K. (2020), The Third Condominium. How Karabakh Will Change Russia-Turkey Relations, *Carnegie Moscow Center*, October 9. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/82932> (accessed: 15.08.2021).
17. *Discours du Président Emmanuel Macron sur la stratégie de défense et de dissuasion devant les stagiaires de la 27ème promotion de l'école de guerre*, février 7, 2020. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/07/discours-du-president-emmanuel-macron-sur-la-strategie-de-defense-et-de-dissuasion-devant-les-stagiaires-de-la-27eme-promotion-de-lecole-de-guerre> (accessed: 15.08.2021).
18. Stanovaya, T. (2017), Liberal Gaullism: How a New France's Foreign Policy is Constructed, *Carnegie Moscow Center*, August 8. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/72741> (accessed: 15.08.2021). (In Russian)
19. *Russia's security concept for the Gulf area*, July 23, 2019. Available at: https://www.mid.ru/rossijskaa-koncepcia-kollektivnoj-bezopasnosti-v-zone-persidskogo-zaliva/-/asset_publisher/2lVdNGBn6g2B/content/id/3733575?p_p_id=101_INSTANCE_2lVdNGBn6g2B&_101_INSTANCE_2lVdNGBn6g2B_languageId=en_GB (accessed: 15.08.2021).
20. *Rapport conjoint relatif au dialogue parlementaire pour rétablir la confiance entre la France et la Russie*, mars 28, 2018. Available at: <https://www.senat.fr/rap/r17-387-1/r17-387-11.pdf> (accessed: 15.08.2021).
21. *Rapport conjoint relatif à un agenda de confiance entre la France et la Russie*, June 3, 2020. Available at: <http://www.senat.fr/rap/r19-484-1/r19-484-11.pdf> (accessed: 15.08.2021).
22. Yumaev, E.A. (2021), Investment Priorities of France in Russia, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 3, pp. 128–136. (In Russian)

23. Komissarova, Z. N. (2018), Status and prospects of economic relations between France and Russia, in Klinova, M., Kudriavtsev, A., Rubinskiy, Y. and Timofeev, P. (eds), *France under President Emmanuel Macron: at the starting point*, Moscow: IMEMO Publ., pp. 60–65. (In Russian)
24. *Relations bilatérales*, novembre 17, 2020. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/russie/rerelations-bilaterales/> (accessed: 15.08.2021).
25. Dubien, A. (2019), Russia — France: A New Start?, *Valdai Discussion Club*, June 24. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-frantsiya-k-novomu-startu/> (accessed: 15.08.2021). (In Russian)
26. *Revue stratégique de défense et de sécurité nationale*, décembre 14, 2017, 109 p. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements-archives/revue-strategique-de-defense-et-de-securite-nationale-2017> (accessed: 15.08.2021).
27. *Actualisation stratégique 2021*, février 10, 2021. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements/actualisation-strategique-2021> (accessed: 15.08.2021).
28. *Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs*, août 27, 2019. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1> (accessed: 15.08.2021).
29. *Conférence de presse à l'issue du G20 Osaka*, juin 29, 2019. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/06/29/conference-de-presse-a-lissue-du-g20-osaka> (accessed: 15.08.2021).
30. *The Executive Order of the President of Russia “On the National Security Strategy of the Russian Federation”*, July 2, 2021. Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0pLD1Zzm-R5cER0g5ZC.pdf> (accessed: 15.08.2021). (In Russian)
31. Narochnitskaia, E. A. (2019), Ukrainian Conflict and Crimea: a Test for French Diplomacy, *Perspectives and Prospects. E-journal*, no. 1, pp. 20–37. Available at http://perspektivy.info/upload/iblock/22a/1_2019-_1_20_37.pdf (accessed: 15.08.2021). (In Russian)
32. The Ministry of Defence Declares the Number of Missiles to Intercept the Strike on Syria, *RBC*, April 16, 2018. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2018/5ad4d7689a79475d465fa040> (accessed: 15.08.2021). (In Russian)
33. France-Russie: Paris dénonce la “captation de pouvoir” de Moscou en Centrafrique, *Jeune Afrique*, June 18, 2021. Available at: <https://www.jeuneafrique.com/1190306/politique/france-russie-paris-denonce-la-captation-de-pouvoir-de-moscou-en-centrafrique/> (accessed: 15.08.2021).
34. Dubien, A. (2019), Russia and Africa: Myths and Reality, *Observe Analytical Paper*, no. 19, October 1. Available at: <https://obsfr.ru/analytics/notes/10952/> (accessed: 15.08.2021). (In Russian)
35. *Comment by the Information and Press Department of the Russian MFA on Russia's Approach to the French Initiative “Paris Call for Trust and Security in Cyberspace”*, November 20, 2018. Available at: https://www.mid.ru/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/3413302?p_p_id=101_INSTANCE_UsCUTiw2pO53&_101_INSTANCE_UsCUTiw2pO53_languageId=en_GB (accessed: 15.08.2021).
36. Lavrov, S. (2021), On Law, Rights and Rules, *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 3, pp. 228–240.
37. Obichkina, E. O. (2020), «Russian Question» in the Focus of European Geopolitics: Reflections on “10 Challenges to Today's Europe” by Thomas Gomart, *International Trends*, no. 3, pp. 6–22. (In Russian)
38. Dubien, A. and Lapina, N. Y. (2021), Franco-Russian relations: What lies ahead? *Current Problems of Europe*, no. 3, pp. 275–287. (In Russian)
39. *Conseil européen du 25 mars 2021*. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/03/25/conseil-europeen-du-25-mars-2021> (accessed: 15.08.2021).
40. Timofeev, P. P. (2018), Russia in the defensive agenda of French president Emmanuel Macron: a partner or opponent? In comp.: Klinova, M., Kudriavtsev, A., Rubinskiy, Y. and Timofeev, P. (eds), *France under President Emmanuel Macron: at the starting point*, Moscow: IMEMO, pp. 176–184. (In Russian)
41. Koshkin, P. G. (2019), The creation of Russia's new image in the Western press between 2014 and 2019, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 12, iss. 4, pp. 477–499. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.406>. (In Russian)
42. Baromètre de l'élection présidentielle — vague 2 (2021), *Ifop*, 5 juillet. Available at: <https://www.ifop.com/publication/barometre-de-lelection-presidentielle-vague-2/> (accessed: 15.08.2021).
43. Le Pen, M. (2021), “Berlin n'est pas le bon partenaire de Paris dans le champ du régalien”, *L'Opinion*, July 13. Available at: <https://www.lopinion.fr/edition/politique/berlin-n-est-pas-bon-partenaire-paris-tribune-marine-lepen-249863> (accessed: 15.08.2021).
44. *SONDAGE EXCLUSIF — Présidentielle 2022: Macron en tête, Zemmour et Le Pen au coude-à-coude, les candidats LR distancés*, *LCI*, novembre 7, 2021. Available at: <https://www.lci.fr/politique/sondage>

age-exclusif-presidentielle-2022-macron-en-tete-zemmour-et-le-pen-au-coude-a-coude-les-candidats-lr-distances-la-gauche-loin-derriere-2201191.html (accessed: 08.11.2021).

45. *Allocution relative à la situation en Afghanistan*, août 16, 2021. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/08/16/allocution-relative-a-la-situation-en-afghanistan> (accessed: 20.08.2021).

46. Le Figaro: Macron Advised French Companies Not to Leave Russian Market (2022), *Kommersant*, 5 March. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5249209> (accessed: 10.03.2022).

Received: November 6, 2021

Accepted: December 16, 2021

Author's information:

Aleksei Yu. Chikhachev — PhD in Political Sciences; alexchikhachev@gmail.com